

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ГЮЛЬМИРА ШАХИН КЫЗЫ МАМЕДОВА
(Тольятти)

ДЕРИВАЦИОННАЯ СВЯЗЬ
НОМИНАЛЬНОГО И РЕАЛЬНОГО
ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА

Рассматривается деривационная связь номинального и реального значений слов. Затрагивается вопрос о соотношении строгости / эвристичности в алгоритмах порождения новых ЛСВ. Установлено, что семантическая парадигма слова – многослойное напластование значений. Указывается, что исходное значение слова, стоящее обычно первым в словаре, – это начальное значение последнего периода долгой истории слова.

Ключевые слова: номинальное значение, реальное значение, исходное значение, переосмысление слова, семантическое развитие.

Развитию семантической структуры слова способствует переосмысление его номинального значения. «Номинальное значение слова – это то его значение, которое детерминировано выводится из морфемных значений согласно логике здравого смысла и стандартным правилам семантической комбинаторики» [4, с. 85]. Например, слово *eater* имеет номинальное значение (*eat- + -er =*) «тот, кто ест; едок». Оно же является его исходным реальным значением, т. е. таким, в котором данное слово действительно выступает в речи. На его базе у этого слова возникло второе реальное значение – «фрукт, который можно есть сырым».

Но у некоторых других слов номинальное значение никогда не являлось его исходным реальным значением. Например, у слова *feeler* номинальное значение (*feel- + -er =*) «тот, кто чувствует» не является его реальным значением. Его реальные значения – 1) «усик насекомого»; 2) «следопыт»; 3) «пробный шар» – образованы непосредственно от номинального.

Одни реальные лексические значения образуются по строгим алгоритмам комбинирования морфемных значений с полнотой предсказуемым результатом (*stick- + -er = sticker* «то, что наклеено / нашито; наклейка, нашивка»), а другие – по нестрогим (эвристическим) алгоритмам, дающим менее предсказуемый результат (*sticker* «тот, кто засиделся в гостях»), а то и практически непредсказуемый результат (*sticker* «трудяга, работяга»). В этой связи возникает вопрос о соотношении строгости / эвристичности в алгоритмах порождения (генеративных моделях) новых лексико-семантических вариантов слов и о факторах, определяющих это соотношение.

Иногда без отслеживания семантического развития слова невозможно уловить связь между некоторыми значениями. Какова, например, связь между значениями «(автомобильная) пробка» и «наслаждение», имеющимися у слова *jam*? У них нет ни одной общей семы. Но еще Л. Витгенштейн [2] писал, что значения слова не обязательно должны иметь общий признак. Достаточно того, что они восходят к единому источнику, как плоды растут на разных ветвях единого дерева. Связь между этими значениями видна из семантической парадигмы:

– **номинальное значение** *Jam* → «давление / сдавливание»;

– **реальные значения** *Jam* → 1) «загромождение (прохода и т. п.)» → затор; засор; (авто)пробка; 2) «давленные фрукты (джем)» → вкуснота / сладость; наслаждение.

Как видим, семантическое развитие этого слова началось с общей семы [давление], но затем разделилось на две ветви. В левой ветви смысловый акцент сместился с давления на проистекающую из него блокировку пути, а далее началась дифференциация по агентам блокировки: [всякий хлам]; [мусор]; [автомобили]. В правой ветви «дерева» семантической парадигмы акцент сместился с давления на его продукт (жем), а затем – на потребительские качества продукта (вкуснота / сладость) и производимый ими эффект (наслаждение). Слева выражен негативный аспект давления, а справа – позитивный.

При переосмыслении оказались релевантными причинно-следственные связи (действие → его результат), а также родовидовые отношения (результат действия → его разновидности). В семантической структуре других слов использованы и иные принципы переосмысления.

Пути семантического развития слова порой причудливы, прихотливы и трудно предсказуемы, но, если рассмотреть их *post factum*, закономерны. Противоречие между закономерностью и произвольностью носит диалектический характер. Переосмысление осуществляется по четким общим моделям, но в их рамках имеется довольно широкий «люфт» (эвристика), т. е. свобода для индивидуальной фантазии языковорцов и культурно-исторических случайностей.

Иногда, по-видимому, невозможно установить точную логическую или лингвистическую причину какого-либо конкретного случая переосмысления. Почему, например, англичане назвали словом *sticker* («прилипала») засидевшегося *гостя*, а русские назвали прилипалой не *гостя*, а *собеседника*, навязчиво пристающего с расспросами, просьбами или предложениями? Ответ, по-видимому, может быть только один: так повелось. Кому-то одному пришла в голову метафора, а остальным носителям данной лингвокультуры она понравилась и была взята на вооружение. Однако здесь имеет место не только случайность, но и закономерность: ведь английские и русские авторы этих метафор явно мыслили по одной и той же схеме и достигли сходных, хотя и не идентичных результатов. Так развиваются родственные лингвокультуры: в общем направлении, но в частных вариантах.

Приведем ряд примеров переосмысления номинального значения в диахронии. В XIX в. русское слово *визитка* обозначало сюртук особого покроя, предназначенный для официальных визитов, а ныне – визитную карточку; слово *полтинник* обозначало 50 копеек, а в наше время – 50 рублей; слово *самолет* в старину обозначало вид паррома, а сейчас – вид летательного аппарата. Номинальное значение задает границы поля его виртуальных интерпретаций [1]. Так, слово *визитка* может в дальнейшем получать все новые значения в пределах тематической области «Нечто имеющее отношение к визитам» (допустим, «марка автомашины, предназначенной для езды с визитами» или «книга записи визитеров») – в меру фантазии индивидуальных языковорцов и в силу возникновения все новых ком-

муникативных потребностей коллектива. Это номинативно-сигнификативный потенциал языка, характер реализации которого можно прогнозировать в целом, но невозможно – в деталях.

Такое переосмысление иногда обеспечивается полисемией суффикса. Английский агентивный суффикс *-er* может обозначать:

1) человека-деятеля;

2) предмет-орудие.

Отсюда значения слов:

– *fighter* – 1) «боец»; 2) «самолет-истребитель»;

– *hanger* – 1) «палач»; 2) «вешалка»;

– *beater* – 1) «охотник, который поднимает дичь на крыло, ударяя палкой по кустам»; 2) «выбивалка для ковров» и др. [5].

Как видим, общие схемы (*beater* – 1) «тот, кто бьет»; 2) «то, чем бьют») конкретизируются. Трудно, а то и невозможно предугадать, как именно они будут конкретизироваться. Почему бы, например, не назвать словом *beater* драчуна, дубинку, плетку, кастет и т. п.? Но их так не называют. В системе английского языка за этим словом закрепились лишь два вышеназванных значения. Вряд ли можно логически или лингвистически объяснить этот выбор; так уж вышло в истории английской лингвокультуры.

В отличие от английского суффикса *-er*, русский суффикс *-тель* не многозначен, а широк о з н а ч е н. Трудно определить без специального анализа, какие он имеет семантические ограничения. Так,

– *учитель* – это деятель;

– *слушатель* – адресат;

– *любитель* – субъект эмоции;

– *родитель* – субъект отношения;

– *смеситель* – орудие;

– *растворитель* – средство;

– *накопитель* – вместилище (и т. д.).

Слово с этим суффиксом потенциально может обозначать очень многое. Например, слово *краситель* реально обозначает органическое вещество для окрашивания тканей и т. п., но теоретически оно могло бы обозначать и краску, и цветной лак, и вираж (химикат для цветной фотопечати), и тонер, и маляра, и орудие крашения (кисть, валик, распылитель и др.), и едва ли не все, что связано с приданием цвета чему-либо (возможно, в ходе своего семантического развития это слово и вправду станет обозначать что-нибудь в этом роде). Так велик порой бывает семантический потенциал слова.

У ряда лексико-семантических вариантов одного слова бывает одно и то же номинальное значение, но у каждого – свое реальное значение. Так, у слова *sitter* номинальное значение – «тот, кто сидит», а реальные – 1) «сиделка (при больном)»; 2) «тот, кто позирует (для портрета)»; 3) «наседка (птица)»; 4) «легкое дело, пара пустяков». При этом одно и то же номинальное значение выступает по отношению к разным реальным значениям иногда как одна и та же, а иногда как разные внутренние формы. «Внутренняя форма слова – это его номинальное значение, выступающее в функции *мотиватора* реального значения, причем не всякого, а отдельно взятого значения либо нескольких значений» [4, с. 90]. Например, первые три значения слова *sitter* одинаково мотивируются номинальным значением: в их основе лежит тот факт, что для сиделки, позирующего и наседки характерна сидячая поза. Следовательно, эти значения имеют одинаковые внутренние формы. Что касается значения «легкое дело», оно мотивировано иначе, а именно знанием того факта, что неподвижную дичь легко подстрелить (ср.: *easy shot* – «плевое дело»). У этого значения слова *sitter* иная внутренняя форма, хотя номинальное значение то же самое.

При переосмыслении слова происходит транспозиция номинального значения: *sitter* – это тот, кто не только сидит, но, может быть, иногда и стоит, и движется, притом для создания портрета, для ухода за больным, для вылупления птенцов. Это можно назвать идиоматизацией исходного значения: у номинального значения «сидящий» несколько изменяются семный состав и объем, в результате чего возникают реальные значения, которые идиоматичны, ибо не выводятся автоматически из номинального значения, не предсказуемы со стопроцентной вероятностью и не охватывают всего континуума номинального значения: словом *sitter* называется не всякий субъект, для кого характерно сидение (скажем, так не называется заключенный, домосед, всадник или тот, у кого сидячая работа). Все это – признаки идиоматичности значений [6].

Однако следует учитывать, что слово – единица короткая. Его номинальное значение вынужденно лаконично; оно не так уж часто отражает весь семный состав реального значения. Иногда все-таки отражает, например, номинальное значение слова *sunlight* содержит три семы: [солнце] (*sun-*), [свет] (*-light*) и их атрибутивную связь, выражаемую слово-

образовательной структурой (порядком следования морфем). Именно эти семы составляют все реальное значение данного слова: «солнечный свет». Из-за эквивалентности номинального и реального значений это слово не идиоматично.

Однако зачастую реальное значение богаче номинального. Так, номинальное значение слова *sunflower* тоже содержит три семы: [солнце] (*sun-*), [цветок] (*-flower*) и их атрибутивную связь. Но реальное значение этого слова не ограничивается тремя семами. Оно содержит набор сем, характеризующих именно подсолнечник, идентифицируя его и отличая от всех других объектов. И хотя реальное лексическое значение, в отличие от концепта, содержит лишь минимальный набор признаков объекта, все-таки оно богаче номинального значения. Слово *sunflower* имеет приращенный смысл. Вследствие неэквивалентности номинального и реального значений оно идиоматично.

Приращенный смысл в составе реального значения – это набор сем, добавленных к номинальному значению [5]. Чем он больше, тем выше степень идиоматичности слова.

Кроме того, семантическая парадигма слова представляет собой многослойное напластование значений, начинающееся с момента возникновения слова и кончающееся нашим временем [6]. Это похоже на пласты земной коры. Некоторые значения стали этимологическими, и лингвисты изучают их так, как палеонтологи изучают явления юрского, триасового и прочих периодов на срезе земной породы (скажем, на речном обрыве). Можно провести и другую аналогию: годовые кольца дерева. Модель семантической структуры слова можно уподобить распилу древесного ствола.

Во многих случаях до возникновения слова в данном языке были его предки в языках. Например, современное английское слово *loaf* «батон, буханка» восходит к древнеанглийскому *hlāf* «хлеб», которое, в свою очередь, восходит к германскому **hlaibhaz*, а оно, скорее всего, восходит к индоевропейскому корню **hlab-* (ср.: русское слово *хлеб*).

Нужно учитывать, что широкоизвестными значениями не исчерпывается история семантического развития слова. М.М. Маковский гипотетически возводил все значения слов к древнейшим значениям «гнуть» и «резать», отражающим первобытные трудовые операции [3]. Он, возможно, утрировал, но эта мысль интересна; она наглядно демонстриру-

ет, сколь продолжительным бывает семантическое развитие слова в диахронии. На практике ученые подчас занимаются лишь последним кратким периодом долгой истории слова, а именно теми значениями, в которых данное слово выступает в наше время.

Важно знать, что так называемое исходное значение слова, которое в словарной статье обычно стоит первым, на самом деле является начальным значением этого последнего периода. А действительно исходное (истинно первичное) значение слова отследить очень трудно – оно уходит в глубь веков, а то и тысячелетий. Возможно, в конечном счете это действительно что-нибудь вроде «гнуть» или «резать».

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта, Наука, 2002.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский тракт. М.: Канон+, 2008.
3. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений: иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М.: Высш. шк., 1989.
4. Савицкий В.М. Английская фразеология: проблемы моделирования. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1993.
5. Савицкий В.М. Лексическая и гиперлексическая семантика в свете лингвокогнитивного подхода. Баку: Kitab alemi, 2008.
6. Савицкий В.М., Плеханов А.Е. Идиоэтизм речи (проблемы лексической сочетаемости). М.: Изд-во МГПУ, 2001.

* * *

1. Arnol'd I.V. Stilistika. Sovremennij anglijskij jazyk. M.: Flinta, Nauka, 2002.
2. Vitgenshtejn L. Logiko-filosofskij trakt. M.: Kanon+, 2008.
3. Makovskij M.M. Udivitel'nyj mir slov i značhenij: illjuzii i paradoksy v leksike i semantike. M.: Vyssh. shk., 1989.
4. Savickij V.M. Anglijskaja frazeologija: problemy modelirovanija. Samara: Izd-vo «Samarskij universitet», 1993.
5. Savickij V.M. Leksicheskaja i giperleksicheskaja semantika v svete lingvokognitivnogo podhoda. Baku: Kitab alemi, 2008.
6. Savickij V.M., Plehanov A.E. Idiojetnizm rechi (problemy leksicheskoj sočetaemosti). M.: Izd-vo MGPU, 2001.

Derivational relation between the nominal and real meanings of words

The article deals with the derivational relation between the nominal and real meanings of words. It covers the issue of the relation of severity / heuristics in the algorithms of generation of new words. It is proved that the semantic paradigm of the word is a multilayer stratification of meanings. It is indicated that the initial meaning of the word, which is usually the first in the dictionary entry, is the initial meaning of this last period.

Key words: *nominal meaning, real meaning, original meaning, redefining of words, semantic development.*

(Статья поступила в редакцию 16.04.2018)

Е.Б. НИКИФОРОВА, Е.А. МОРДВИНКИНА
(Волгоград)

РАЗВИТИЕ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «СЛАДОСТИ» В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Выявлена и подвергнута многокомпонентному анализу лексико-семантическая группа «Сладости» в русском языке. Данная ЛСГ рассматривается в диахроническом аспекте – от древнерусского периода до современного русского языка. Отмечаются изменения разного характера в семантике лексем данной группы.

Ключевые слова: *лексико-семантическая группа, лексема, лексико-семантический вариант, семантическая структура слова.*

На протяжении длительного функционирования в языке лексико-семантическая группа «Сладости» активно развивалась, увеличилось количество входящих в нее лексем. Семантическая структура слов, относящихся к данной группе, претерпела различные изменения, которые мы и рассмотрим в данной статье.

Отметим следующие процессы, происходящие в семантике слов, относящихся к лексико-семантической группе «Сладости».